

Вопросы теории и психологии творчества

Том 5

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 159.9
ББК 88
В74

В74 Вопросы теории и психологии творчества: Том 5 / – М.: Книга по Требованию, 2018. – 582 с.

ISBN 978-5-458-53804-6

ISBN 978-5-458-53804-6

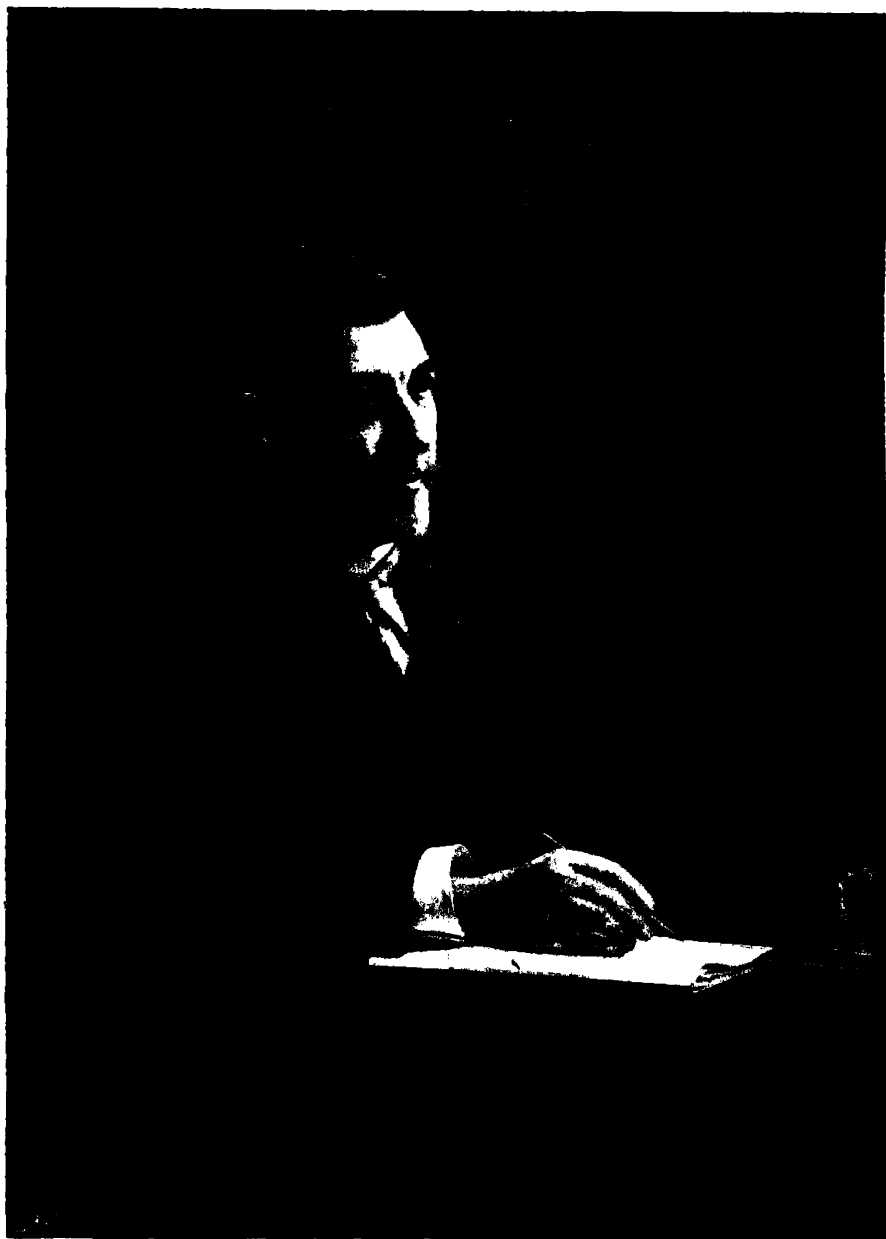
© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2018
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2018

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Д. Н. ОВСЯНИКО-КУЛИКОВСКІЙ.

Д. Н. Овсяннико-Куликовскому.

Первый томъ сборника „Вопросы теоріи и психологіи творчества“ своимъ выходомъ въ свѣтъ всецѣло обязанъ горячей поддержкѣ Дмитрія Николаевича Овсяннико-Куликовскаго: перу его принадлежатъ пять статей, составляющихъ почти половину всего содержанія: при всѣхъ трудностяхъ, которыя такъ неизбѣжны при начинаніи въ такомъ нелегкомъ дѣлѣ, отъ него я всегда получалъ совѣтъ, ободреніе, составленіе программы и даже проектъ оглавленія книги: наконецъ, и въ послѣдующихъ изданіяхъ, при всей своей занятости, Д. Н. успѣвалъ и написать статью и „благословить“ продолженіе столь любимаго мною изданія. Надѣюсь, что, оторванный теперь журнальной работой, Д. Н. и въ будущемъ сможетъ реализовать свое обѣщаніе,—быть и на послѣдующее время такимъ же активнымъ сотрудникомъ, какимъ былъ и при начинаніи.

Такая тѣсная связь Д. Н. со сборникомъ вполне понятна: смѣло можно сказать, что ни одно изданіе не было такъ духовно близко ему, какъ „Вопросы теоріи и психологіи творчества“. Разрабатывая усиленно „психологическую“ поэтику А. А. Потебни и „историческую“—Ал—ра Н. Веселовскаго, этихъ величайшихъ ученыхъ, составляющихъ гордость русской науки, „Вопросы“ тѣмъ самымъ становились на ту плоскость, которая такъ любима и гдѣ проявилъ во всей широтѣ свой талантъ—Д. Н.; мало того, сотрудниками вашего сборника являются его ближайшіе ученики и послѣдователи. Этотъ духъ „психологизма творчества“ такъ силенъ въ научныхъ исканіяхъ Д. Н., что имъ освѣщаются рѣшительно всѣ его работы: и по литературѣ, и по языку, и по анализу художественнаго и научнаго творчества. Такое духовное родство обязываетъ насъ, его бывшихъ учениковъ и почитателей, присоединить свой скромный голосъ благодарности къ многочисленнымъ привѣтствіямъ поздравленія и пожеланія по поводу исполнившагося въ этомъ году 35-лѣтія его служенія на „славномъ посту“—критика, ученаго. Ему посвящается, въ знакъ этого, V томъ сборника, статьи котораго, надѣмся, будутъ такъ близки по духу его уму и сердцу.

Б. Лезинъ.

„ПСИХОЛОГІЯ ТВОРЧЕСТВА“

Д. Н. ОВСЯНИКО-КУЛИКОВСКАГО.

Къ 35-лѣтію его научно-литературной дѣятельности.

Многочисленныя сочиненія Д. Н. Овсянико-Куликовскаго пользуются справедливою извѣстностью и почетомъ. Среди нихъ особое мѣсто занимаетъ рядъ этюдовъ о творчествѣ русскихъ художественныхъ классиковъ. Въ нихъ, какъ и въ нѣсколькихъ спеціальныхъ статьяхъ, Д. Н. Овсянико-Куликовскій попытался разработать конкретно то, что онъ обыкновенно именуетъ „психологіей творчества“. Теоретическія основы этой науки мы и попытаемся здѣсь выяснить и оцѣнить въ самой общей формѣ.

І. Происхожденіе и сущность „психологіи творчества“.

У Д. Н. Овсянико-Куликовскаго она возникла, какъ методическая опора въ критико-художественной работѣ. Первоначально онъ обращался къ ея услугамъ какъ бы *ad hoc*, въ связи съ тѣми конкретными вопросами художественной критики, которые ему приходилось рѣшать, изучая произведенія нашихъ классиковъ. Потомъ, когда накопился нѣкоторый запасъ соответствующихъ данныхъ, Д. Н. попытался систематизировать ихъ: такъ возникли его этюды по нѣкоторымъ общимъ вопросамъ „психологіи“ художественнаго творчества. Одно время онъ собирался даже писать особую книгу о научно-философскомъ и художественномъ творчествѣ. Съ этою цѣлью, онъ изложилъ, въ качествѣ общаго введенія въ нее, свои „психологическія“ воззрѣнія. Замысла не удалось осуществить, хотя Д. Н. и не теряетъ надежды поработать въ будущемъ надъ этимъ. Этого, конечно, слѣдуетъ желать, такъ какъ въ спеціальной книгѣ мы получили бы связанное и цѣльное понятіе о тѣхъ многочисленныхъ мысляхъ и гипотезахъ Д. Н., которые онъ такъ щедро расточаетъ въ своихъ критическихъ работахъ или дробить на искусственныя части въ отдѣльныхъ статьяхъ своихъ о разныхъ вопросахъ „психологіи творчества“. Можно надѣяться, что въ этой книгѣ онъ занялся бы спеціально и методологическимъ вопросомъ—о сущности и основахъ того, что онъ считаетъ „психологіей творчества“. Пока этотъ вопросъ прихо-

дится вычитывать больше между строкъ. Отвѣтъ же на него можно получить очень и очень смутный. Возможно, что самъ Д. Н. Овсяннико-Куликовскій, стоя все время въ плоскости фактической работы, не очень и задумывался надъ этимъ вопросомъ. Если же задумывался, то скорѣе „платонически“, не стѣсняя себя тѣми мыслями, къ которымъ онъ пришелъ при этомъ. Такая догадка находитъ себѣ подтвержденіе, напр., въ слѣдующемъ фактѣ. Работая надъ статьей объ экспериментѣ и наблюденіи, какъ методахъ художественнаго творчества, онъ, очевидно, задавался вопросомъ, подъ какую методологическую категорію можно подвести содержаніе этой статьи. И, повидимому, отвѣтомъ на это служить подзаголовокъ статьи: „Къ теоріи и къ психологіи художественнаго творчества“. Отсюда можно заключить, что Д. Н. Овсяннико Куликовскій различаетъ между „теоріей творчества“ и „психологіей творчества“, какъ науками отдѣльными. Но мы напрасно стали бы искать въ текстѣ статьи *намеренное* проведеніе этой точки зрѣнія. Даже напротивъ: какъ бы забывъ объ ея существованіи, Д. Н., въ первыхъ же строкахъ очерка, заявляетъ: „Я постараюсь раскрыть, насколько то въ моихъ силахъ, *психологическую суть* обоихъ методовъ (экспериментальнаго и наблюдательнаго Т. Р.) въ искусствѣ, ихъ происхожденіе и значеніе“. Слова „психологическую суть“ Д. Н. здѣсь *самъ* выдѣлилъ курсивомъ, такъ что нельзя сомнѣваться, что онъ не случайно обмолвился ими: они, а не платоническій подзаголовокъ статьи, выражаютъ методологическій смыслъ ея содержанія въ глазахъ *автора*. Но, конечно, весьма возможно, что это содержаніе, въ чьихъ-либо другихъ глазахъ, получило бы иное теоретическое истолкованіе, на точномъ основаніи его „буквы“. Такимъ образомъ, „психологія“ — вотъ методологическая рубрика, подъ которую подвелъ Д. Н. Овсяннико-Куликовскій свои изслѣдованія о природѣ творчества.

Такая ясно выраженная симпатія къ психологическому трактованію и освѣщенію науки о творествѣ коренится не только въ личныхъ предпочтеніяхъ Д. Н. Овсяннико-Куликовского, какъ ученаго, но и въ условіяхъ той научной „среды“ и того историческаго „момента“, когда онъ началъ свою научную дѣятельность. Это была эпоха восьмидесятыхъ годовъ — эпоха отмѣченная въ исторіи наукъ о духѣ развитіемъ и распространеніемъ тагъ называемаго „психологизма“.

Въ это время (и нѣсколько раньше) психологія, по мнѣнію многихъ, вступила въ число точныхъ наукъ. Благодаря усвоенію ею экспериментальнаго метода и приложенію къ ея задачамъ математическаго анализа, ее объявили *основной и, въ сущности, единственной наукой о духѣ*: въ этомъ и заключается психологизмъ. Всѣ остальные науки о духѣ разсматривали, какъ отдѣльныя главы, или же, какъ спеціальныя приложенія психологіи. Это означало не только то, что эти науки должны были воспринять *итоги и методы* психологіи. Больше того: подчинивъ,

ихъ психологiи, придавали этому тотъ смыслъ, что *предметъ* всѣхъ этихъ наукъ—того же порядка, что и предметъ психологiи, т. е., есть не что иное, какъ *продуктъ*, „кристаллическая“ форма индивидуально-психической дѣятельности. Такъ, напримѣръ, логика была подведена подъ психологію на томъ основаніи, что она изучаетъ понятія, сужденія и проч.,—т. е. извѣстный разрядъ продуктовъ индивидуально-психического переживанія. Еще иначе, это раствореніе „духа“ въ переживаніяхъ человѣческаго субъекта выражали и обосновывали, говоря, что „духовное“—наука, искусство, право и т. д. существуетъ только въ переживаніяхъ отдѣльныхъ людей, откуда и выводили, что эти проявленія „объективнаго духа“ суть только продукты индивидуальной душевной дѣятельности. Такое безграничное расширеніе предѣловъ психологiи было, очевидно, равносильно возведенію психологiи также и въ рангъ единственной научной философіи. Этотъ шагъ тогда и дѣлали очень охотно, стараясь при этомъ опереться и на авторитетъ. Въ настоящемъ случаѣ роль послѣдняго сыгралъ Кантъ. Онъ былъ понятъ, какъ изслѣдователь психологическихъ основъ человѣческаго познанія. Его борьба съ докритической метафизикой была зачтена ему въ особую заслугу и истолкована, какъ шагъ, продиктованный Канту пониманіемъ того, что единственная философія, могущая притязать на научное значеніе, есть именно философія психологическая. Такое пониманіе Канта, правда, раздѣлялось не всѣми. Но оно именно пользовалось широкой популярностью въ кругахъ, заинтересованныхъ торжествомъ психологизма: кругахъ—очень многочисленныхъ. На первыхъ порахъ психологизмъ былъ очень грубъ. Такимъ онъ, впрочемъ, и остался еще для многихъ, даже въ наши дни. Но болѣе тонкіе и философски-воспитанные умы, придерживавшіеся его, скоро замѣтили одинъ его существенный изъянъ. Онъ состоялъ (и состоитъ) въ томъ, что психологія, составляющая фундаментъ психологизма, развивалась болѣе чѣмъ скромно. И чѣмъ дальше шло это развитіе, тѣмъ становилось яснѣе, что съ *такой*—экспериментальной, психофизической, эмпирической—психологіей нельзя рѣшать „психологически“ вопросовъ этики, эстетики, логики и философіи религiи: ибо эти вопросы буквально оставались *по ту сторону* обычной психологiи, и каждый шагъ впередъ, совершаемый послѣдней, все дальше и дальше уводилъ ее отъ нихъ. Тогда съ разныхъ сторонъ стали высказывать мысль, что нужно преобразовать психологію, поставивъ ее на болѣе философскую почву. Подъ вліяніемъ, главнымъ образомъ, Шопенгауэра въ Германіи и Мэнъ де Бирана во Франціи, это преобразование клонилось къ тому, чтобы проникнуть психологію началами *волюнтаризма*. Психологизмъ утончился, и хотя въ широкихъ кругахъ психологистовъ онъ оставался въ прежнемъ грубомъ видѣ, настало время, когда болѣе углубленная его форма должна была возобладать. Это случилось уже въ девяностыхъ годахъ.

Еще въ восьмидесятихъ годахъ психологизмъ проникъ и къ намъ—обычнымъ путемъ, перенесенный русскими учеными, довершавшими свое образованіе во Франціи и Германіи. Это внесло значительное оживленіе въ нашу научную жизнь,—оживленіе, которое еще ждетъ вниманія историка. Почти всѣ науки о духѣ—логика, этика, эстетика, философія религіи, языкознаніе, исторія—прониклись началами психологизма.

Къ представителямъ психологизма, въ области *языкознанія и исторіи культуры, а также—художественной критики, нужно отнести и Д. Н. Овсянико-Куликовского*. Его „психологія творчества“ возникла въ атмосферѣ психологизма и была однимъ изъ интересныхъ проявленій его волонтаристической струи.

„Психологія творчества“ стоитъ на почвѣ тѣхъ началъ, которыя мы выше обозначили, какъ особенность психологизма. Она объявляетъ всѣ науки о духѣ—психологическими. Она растворяетъ ихъ объекты въ *процессахъ индивидуальной душевной жизнедѣятельности*. И, въ качествѣ психологіи творчества, она пытается объяснить механизмъ ихъ возникновенія въ глубинахъ *индивидуальнаго переживанія*, понимая это возникновеніе, какъ *самопорожденіе духа*. Она не занимается вопросомъ о томъ, на какомъ основаніи здѣсь можно говорить о творествѣ. Она также не пускается въ изслѣдованіе тѣхъ отдаленныхъ заключеній общаго порядка, которыя можно сдѣлать, опираясь на ея принципы. Это потому, что она хочетъ быть просто эмпирической наукой. Передъ ней находятся „факты“, которые нужно систематизировать и объяснять. Эти факты: наука, искусство, религія и т. д. Психологія творчества, подъ вліяніемъ психологистической доктрины, считаетъ самоочевиднымъ, что эти факты представляютъ собой только *отвердѣвшій индивидуальный духъ*. Отсюда она заключаетъ, что, для объясненія ихъ, нужно подняться вверхъ, къ истокамъ творческой дѣятельности, всегда индивидуальной. Здѣсь нужно подсмотрѣть и подслушать, что и какъ пульсируетъ въ душѣ творца, будь онъ художникъ, или ученый, или религіозный гонимый и пророкъ, какой индивидуальный законъ управляетъ скрытымъ образомъ проявленія его творчества, играя роль того, что Тэнъ называлъ „господствующей способностью“ души. Кромѣ того, здѣсь, въ нѣдрахъ душевной жизни, нужно прослѣдить проявленіе основныхъ психологическихъ законовъ, дѣятельность коренныхъ функций духа. Эти функции сводятся, съ одной стороны, къ *освобожденію нѣкотораго количества духовной энергии*, для порожденія вышеуказанныхъ „фактовъ“, съ другой же—къ систематизирующей и упорядочивающей *обработкѣ ихъ въ формѣ „appercepции“*, состоящей въ *подведеніи* порожденнаго вновь—подъ старое, или, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторомъ упорядоченномъ и однозначномъ *отнесеніи* вновь созданнаго къ уже наличному. Это апперцепцірованіе, въ общемъ, подчинено основному закону духовной жизни,

по своему значенію отвѣчающему закону сохраненія энергіи въ естествознаніи. Этотъ основной психологическій законъ—*экономія психической энергіи*. Апперцепирующая дѣятельность всегда совершается болѣе или менѣе экономно. Ея продукты выражаютъ и содержатъ сбереженную энергію, облегчая тѣмъ послѣдующую творческую работу. Ихъ можно, по примѣру А. А. Потебни, разсматривать, какъ „сгущенія мысли“, какъ ея „аккумуляторы“. По своему содержанію, эти продукты отвѣчаютъ свойствамъ создавшаго ихъ духа. Но часто они достигаютъ такой цѣнности, что пріобрѣтаютъ *всеобщее* значеніе. Ихъ нужно классифицировать, кладя въ основу классификаціи особенности творческаго *процесса*. Этотъ послѣдній проявляется въ двоякой формѣ, которую можно усмотрѣть въ простѣйшемъ духовномъ образованіи—„словѣ“. Слово—въ его рѣчевой функціи—выступаетъ сперва, какъ образъ, какъ „маленькая картина“. Потомъ—со временемъ—конкретность этого образа блѣднѣетъ, подъ вліяніемъ того, что „экономическая природа“ души стремится сжать его, чтобы оня, отнимая у нея мало энергіи, сберегалъ ея силы благодаря своей общности: такъ конкретный образъ становится отвлеченнымъ понятіемъ. Но образы—это сфера поэзіи. Понятія—сфера науки. Итакъ, духъ обнаруживается въ формѣ поэзіи и прозы (науки). *Психологія творчества, поэтому, становится „теоріей поэзіи и прозы“*. Это преобразование психологіи творчества въ „теорію поэзіи и прозы“ выдаетъ въ Д. Н. Овсянико-Куликовскомъ *лингвиста*, привыкшаго мыслить въ духѣ идей А. А. Потебни, у котораго уже цѣликомъ можно найти эту „теорію“. Психологія творчества, воспользовавшись ею, какъ въ высшей степени цѣннымъ элементомъ, должна итти дальше. Исходя изъ того, что творческая дѣятельность—одна и та же, по существу, въ поэзіи и прозѣ—наукѣ, она должна сблизить эти сферы. Отсюда—идея общности эксперимента и наблюденія для науки и искусства, идея, разработанная Д. Н.—чемъ въ особой статьѣ.

Теперь ясно, въ какомъ направленіи должна вообще двигаться, по Овсянико-Куликовскому, психологія творчества: исходя изъ творческой дѣятельности и ея законовъ, она будетъ прослѣживать, въ какихъ формахъ проявляется эта дѣятельность. Объективныя содержанія духа она будетъ возводить къ творческому ихъ первоисточнику и изъ него объяснять ихъ смыслъ и значеніе. Для психологіи творчества нѣтъ въ отдѣльности субъекта творчества, противостоящаго объектамъ, созданнымъ имъ и уже успѣвшимъ окристаллизоваться. Равно не знаетъ она и объективныхъ содержаній духа, самостоятельно тяготящихся надъ субъектомъ, какъ независимое отъ него царство. Она видитъ въ субъектѣ не субстанцію, а неустанное *активное* начало. Въ объектѣ она усматриваетъ ту же *дѣятельность*, забывшую о своемъ происхожденіи. Психологія творчества возвращаетъ ей память, расплавляетъ объектъ въ процессы и относитъ его къ творческому горнилу личности, чьими проявленіями эти про-

цессы были въ свое время. Это—методъ, съ помощью котораго нужно рѣшать всѣ теоретическіе вопросы—въ логикѣ, этикѣ, эстетикѣ и т. д. Въ частности, эстетика есть не что иное, какъ примѣненіе этихъ методовъ къ изученію художественнаго творчества. Она должна разобраться въ основныхъ формахъ „поэзіи“, объяснить ихъ, какъ функцію духа и свести ихъ къ простѣйшимъ формамъ, во главѣ которыхъ стоитъ слово—образъ. Эстетика есть психологія художественнаго творчества. Для рѣшенія ея задачъ нужно иногда прибѣгать къ анализу и генетическому объясненію содержанія художественныхъ образовъ. Здѣсь психологія художественнаго творчества соприкасается съ художественной критикой.

Фактически у Д. Н—ча онѣ переплетаются, почти до неразличимости. Но не подлежитъ сомнѣнію ихъ принципиальное различіе. Художественная критика, въ извѣстномъ смыслѣ, должна быть прикладной психологіей художественнаго творчества. Но всегда въ ней будетъ элементъ, не входящій въ составъ послѣдней. Этотъ элементъ—*содержаніе* художественныхъ созданій. Имъ, какъ *таковымъ*, психологія творчества не занимается. Она должна быть наукой о *формахъ* творчества. Это видно, между прочимъ, изъ того, что психологія творчества, въ глазахъ Д. Н—ча, является „теоріей поэзіи и прозы“—двухъ основныхъ „формъ“ творчества. Впрочемъ, слѣдуетъ замѣтить, что этотъ вопросъ нѣсколько теменъ у Д. Н—ча, какъ многое, имѣющее отношеніе къ теоретико-методологическому освѣщенію его „психологіи творчества“. Мы, лично, затрудняемся комментировать вышеуказанное отграниченіе психологіи творчества отъ художественной критики: комментарий едва ли былъ бы „аутентическимъ“, какъ говорятъ юристы.

II. Общая оцѣнка „психологіи творчества“.

Изложенная концепція „психологіи творчества“, какъ мы видимъ, стоитъ въ тѣсной связи съ распространеннымъ въ свое время, да и сейчасъ, духовнымъ теченіемъ общеевропейскаго, даже общечеловѣческаго порядка. Едва ли наступила пора для вполне объективной оцѣнки этого теченія. Насколько мы можемъ судить теперь, за нимъ надо признать большія научныя *заслуги*, но—и не малыя научныя *прегрѣшенія*.

Во всѣхъ своихъ формахъ психологизмъ вдохновлялся одной изъ самыхъ цѣнныхъ и возвышенныхъ идей XIX вѣка. Онъ засталъ передъ собой фактъ различныхъ „наукъ о духѣ“. Разработанныя съ разной степенью совершенства, онѣ являли видъ печальный для глаза философствующаго ученаго: нельзя было подмѣтить въ нихъ какое-либо *всеохватывающее единство* и систематическій порядокъ. Это особенно было замѣтно на фонѣ того единства, которое лежитъ въ основѣ естественныхъ наукъ—физики, химіи, и т. д. Онѣ были *науками*

„точными“ и тяготѣли къ математической основѣ. Такую основу онѣ находили въ механикѣ, этой прикладной и посредствующей части математическихъ наукъ. „Механическое міровоззрѣніе“, которымъ были проникнуты естественныя науки, конечно, не было „истиной факта“: но оно было чѣмъ-то болѣе важнымъ: истиной метода. Методъ механическаго объясненія, къ услугамъ котораго часто могла явиться математика, и придавалъ „естественнымъ наукамъ“ то единство, котораго не было въ „наукахъ о духѣ“. И вотъ, *психологизмъ попытался осуществить это единство также и среди наукъ о духѣ*. Онъ началъ, правда, слишкомъ наивно: съ примѣненія метода механическаго объясненія и метода безконечно — малыхъ къ явленіямъ духовнаго порядка. Потомъ—въ эпоху Фехнера—онъ уменьшилъ эти претензіи, сведя естественнонаучный методъ въ психологіи къ косвенному измѣренію духовныхъ явленій—черезъ посредство явленій физическихъ, точнѣе—физиологическихъ. Но при этомъ, конечно, собственно „духовное“ оставалось уже за бортомъ естественнонаучной психологіи. Это было равносильно крушенію надежды объединить науку о духѣ естественнонаучнымъ путемъ. Тогда за это дѣло взялась волюнтаристическая психологія. Мы уже видѣли, какъ она пыталась выполнить его. Въ частности, Д. Н. Овсянико-Куликовскій, „психологія творчества“ котораго является однимъ изъ видовъ волюнтаристической психологіи, полагалъ и полагаетъ, что возведеніе всѣхъ духовныхъ явленій къ творческому источнику, обрѣтающемуся въ личности, даетъ намъ искомое единство наукъ о духѣ. *Заслуга его психологіи творчества, какъ и вообще всей волюнтаристической психологіи—въ томъ, что она выдвинула и попыталась рѣшить проблему этого единства*.

Но именно рѣшеніе кажется намъ спорнымъ. Психологизмъ, повидимому, далеко не всегда задавался вопросомъ, о какомъ объединеніи здѣсь можетъ идти рѣчь. Онъ считалъ несомнѣннымъ, что это объединеніе имѣетъ *фактическій* и *эмпирический* характеръ: мы *переживаемъ* фактически творчество науки, искусства и т. д., и слѣдовательно, это творчество есть фактъ и при томъ—фактъ индивидуальнаго переживанія. Ссылкой на этотъ фактъ психологизмъ и рассчитывалъ сразу покончить съ проблемой единства наукъ о духѣ. Однако, легко видѣть, что такая ссылка не достигаетъ цѣли. Съ одной стороны, потому, что она даетъ слишкомъ мало: что мы приобретаемъ, узнавъ о томъ, что духъ есть нѣчто самотворящееся? А, вѣдь, больше этого ссылка на фактъ намъ не даетъ. Вѣдь, мы никогда не въ состояніи сказать, какъ именно *эта* вотъ дѣятельность породила вотъ *тотъ* продуктъ. Переживая дѣятельность продуцированія, мы не можемъ въ то же время и слѣдить за ея внутреннимъ механизмомъ. Воспоминаніе же даетъ намъ только одно: ка-кимъ то образомъ мы пришли къ данному продукту. Мы не понимаемъ, почему мы пришли къ продукту съ такими-то свойствами, а не съ дру-